

Заслуженный успех

Харьков

Вырезка из газет

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

13 АВГ 1958

Газета №

О

К гастролям Вроцлавского ордена Трудового знамени драматического театра

О

таких находок немало. Это — и библия, прикрепленная цепочкой к конторке Прыща, и превосходно сделанный пролог, и многочисленные интермедии в перерывах между картинами, и, наконец, появление начальника полиции Брауна на игрушечном белом коне, усиливающее иронический, пародийный смысл финальной картины.

Но главная заслуга режиссера, пожалуй, не в удачном решении отдельных сцен, эпизодов, а в том, что спектакль в целом доносит до зрителя идею Брехта-сатирика.

К чему же сводится эта идея и как она воплощена в спектакле?

Известно, что в «Опере нищих», впервые принесшей драматургу мировую известность, Брехт использовал сюжет одноименной пьесы английского драматурга 18 века — Джона Гея. Но, сохранив основную сюжетную схему Гея, главных его героев и даже английский колорит, Брехт, тем не менее, пишет о своих современниках, правдиво и остроумно показывает самые неприглядные стороны буржуазной действительности XX века.

И, согласно с замыслом автора, в спектакле Вроцлавского театра изображение жизни лондонского «дна», легковесный с виду сюжет — забавная «ньюгейтская пастораль», повествующая о любви дочери «короля нищих» — Полли к главарю бандитской шайки — Маки Мэйчеру, — перерастает в мощное сатирическое изображение всей системы буржуазных отношений, всего насквозь прогнившего общества, где главной движущей силой являются деньги.

Но главными носителями сатирической идеи автора являются два центральных образа: Маки Мэйчер и Джонатан Прыщ, бандит и «честный» делец.

Когда на сцене появляется Маки Мэйчер (арт. З. Вуйчик), перед нами предстает вполне уважаемый джентльмен в костюме добропорядочного буржуа, с крахмальным воротничком и безукоризненными манжетами. Манеры его почти так же безукоризненны, как и его манжеты. Он держится с чувством собственного достоинства, и черты его лица не лишены даже некоторого благородства. По всему видно, что Маки считает себя деловым человеком, не хуже других, хотя профессия его и несколько своеобразна.

И всем ходом развития действия спектакль приводит нас к мысли, что разбойник —

обыкновенный буржуа. Недаром сам начальник полиции Браун (арт. А. Олендзкий), являясь одним из пайщиков предприятия Маки, обожает его и всячески ему покровительствует. Недаром Полли (арт. И. Шимкевич), выйдя замуж за Маки и узнав о роде его занятий, не возмущается, а спокойно включается в «дело», даже берется замещать мужа, на время его отсутствия, в качестве главаря шайки так же просто и естественно, как если бы он поручил ей хозяйничать вместо него в лавке. Как добропорядочный буржуа, Маки заботится об упрочении своего имущественного благосостояния и, следуя правилам буржуазной морали, решается на брак по расчету.

Параллельно с образом Маки перед нами раскрывается во всей своей неприглядной сущности образ преуспевающего «честного» дельца, «короля нищих» — Джонатана Прыща. Артист Ежи Адамчак рисует своего Прыща в манере дерзких диккенсовских гротесков. Этот старый ханжа и лицемер, весь какой-то скрюченный, с перекошенным злым лицом, на котором сверкают хитрые глазки и выдается вперед челюсть хищника, — пыжится, играя роль «друга нищих», возмущается тем, что дочь его вышла замуж за бандита, не сознавая того, что очень скоро становится ясным зрителю: Адамчак — Прыщ убеждает нас в том, что нормальный, средний буржуа — тот же разбойник, и если что-либо отличает его от профессионального бандита Маки, так разве что лицемерие и трусость.

Говоря о ведущих актерах спектакля, хочется отметить очень импонирующую зрителям простоту и непосредственность артистки Ирэны Шимкевич, исполняющей роль Полли.

Но нельзя не сказать и о том, что своим успехом спектакль обязан не столько блеску отдельных «звезд», сколько всему «созвездию» прекрасно сыгранного, талантливого ансамбля театра. Когда в прологе перед нами появляется пестрая толпа нищих и увечных, старух и девиц, красивых и уродливых, блондинок, брюнеток, рыжих, — кажется, что в этом скопище людей трудно, почти невозможно разобраться. А к концу спектакля не только персонажи первого плана встречаются нами, как старые знакомые, но и второстепенные, и эпизодические, и даже вовсе «бессловесные». И мы не только различаем их по внешним признакам, но прозреваем и их внутреннюю сущность, не только узнаем их, но и запоминаем, проникаемся сочувствием к одним из них и отвращением — к другим.

«Опера нищих», показанная харьковчанам Вроцлавским театром, — яркий, запоминающийся спектакль.

Б. ТУЛЬЧИНСКАЯ.

Весть о предстоящих гастрольях польского театра взволновала харьковчан задолго до его приезда. С нетерпением ждали афиш. И естественно, что появившееся на этих афишах имя прославленного немецкого драматурга Бертольда Брехта вызвало особенный интерес у наших любителей театра.

Убежденный антифашист, пламенный борец за мир, разносторонне одаренный человек — писатель, поэт, публицист, теоретик искусства, режиссер, драматург — Бертольд Брехт заслуженно пользуется популярностью у всех народов мира.

И всякому, кто хоть немного знаком с творчеством Брехта-драматурга, понятно, какая ответственная и сложная задача — сценическое воплощение его пьесы.

Но и благодарная, — можем мы добавить теперь, побывав на спектакле «Опера нищих», поставленном Вроцлавским ордена Трудового знамени Польским драматическим театром, и став свидетелями того, как рукоплескал творческому коллективу этого театра весь до отказа наполненный зрительный зал.

В чем же секрет успеха спектакля?

Прежде всего, по-видимому, в том, что театр правильно прочел Брехта, верно уяснил себе поставленную автором задачу. И режиссер спектакля — Якуб Ротбаум, и талантливо оформивший спектакль художник — проф. Александр Енджеевский — поняли принципиальное отличие театра Брехта и поставили пьесу в духе этого театра.

«Опера нищих» — прежде всего пьеса сатирическая. А своеобразие ее формы требует от постановщиков смелости, новаторства. И в этом театр оказался на высоте.

Первое, что обращает на себя внимание зрителей при поднятии занавеса — это оригинальность, смелая выдумка художника-декоратора. Аплодисменты в зале раздаются еще прежде, чем на авансцене появляется первый актер, прежде, чем начинается пролог, знакомящий нас со всеми персонажами пьесы.

В декорациях А. Енджеевского нет точного изображения деталей обстановки. Немногими смелыми и выразительными штрихами он только намечает наиболее характерные признаки места действия. И оформление это, в известной мере, условное. Но ведь Брехт драматург мысли, и не стремится к сохранению сценической иллюзии.

При оценке работы режиссера принято говорить о «режиссерских находках», об отдельных удачно решенных сценах, эпизодах, деталях. И в рецензируемом спектакле